

Иетс Эдмунд

Волки и овцы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Э22

Э22 **Эдмунд И.**
Волки и овцы / Иетс Эдмунд – М.: Книга по Требованию, 2022. – 493 с.

ISBN 978-5-519-86850-1

ISBN 978-5-519-86850-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

старый Каррутерсъ могъ бы всякому дать столько, что въ глазахъ зарябило бы! Да, могъ бы, но не захочетъ, особенно мнѣ!... Что жъ! я паршивая овца, обо мнѣ и говорить нечего. А вѣтеръ все сильнѣе! ей-Богу! рѣжетъ какъ ножомъ! Гдѣ-нибудь поблизости, вѣрно есть гостинница. Попадавшись съ матушкой, я пойду ночевать туда и выпью стаканъ горячаго пуншу... Эй! ты, дуракъ! куда ѣдешь! Зачѣмъ же у тебя фонари, если ты не видишь людей на дорогѣ!

Говоря это, онъ отпрыгнулъ въ сторону и прижался къ живой изгороди, кусты которой широко раскинули свои безлиственные вѣтви; а карета съ зажженными фонарями, запряженная парюю бойкихъ лошадей, проѣхала мимо его такъ близко, что чуть не зацѣпила его за руку. Ни кучеръ, ни лакей не обратили вниманія на его крикъ. Лакей, завернувшись въ теплую шубу, крѣпко спалъ, сидя позади кареты. Черезъ минуту она неслась уже далеко, но пѣшеходъ, замѣтивъ, что лакей спитъ, вскочилъ на заднюю подножку и такимъ образомъ нашелъ убѣжище отъ пронзительнаго вѣтра, и вмѣстѣ съ тѣмъ способъ сократить себѣ дорогу. Онъ крѣпко держался обѣими руками за ремни около самыхъ колѣнъ спавшаго лакея, которые составляли презабавный видъ, толкаясь одно о другое при каждомъ ухабѣ. Наконецъ карета остановилась, и кучеръ громко крикнулъ: „Отворяй!“ Незнакомецъ соскочилъ и остановился поодаль отъ лучей свѣта, падавшихъ на карету изъ оконъ каменнаго, стариннаго домика, обросшаго плющемъ. Хозяинъ домика, бѣлокурый привратникъ, съ лицомъ, похожимъ на овечью мордочку, стоялъ у только-что отворенной имъ желѣзной рѣшетки; рядомъ съ нимъ стояла хозяйка его съ улыбкой на румяномъ лицѣ, вокругъ нихъ толпились толстенькіе ребятишки, которымъ въ этотъ день почему-то позволили посидѣть попозже обыкновеннаго; тутъ же стояла и жена садовника, подошедшая полюбопытствовать, кто пріѣхалъ, пока мужъ пошелъ присмотрѣть за печами въ теплицѣ; съ нею пришли и Риддъ, старшій сторожъ, и его маленькій помощникъ идіотъ Томъ, который хлопалъ въ ладоши и безсмысленно смѣялся, любуясь на каретные фонари. Привратникъ съ овечьей мордой такъ упорно заглядывалъ въ окна кареты, стараясь быть узнаваемымъ, что одно изъ оконъ отворилось и рѣзкій голосъ закричалъ, громко раздаваясь въ ночной тишинѣ:

— Какъ поживаешь, Бульджеръ? Вѣдь еще не поздно? Эй, слышишь, не поздно?

— Нѣтъ, сэръ, не поздно. Пріятнаго вечера, сэръ! Какая у насъ погода! настоящая зима!

Но карета укатила прежде нежели Бульджеръ успѣлъ договорить фразу и прежде чѣмъ незнакомецъ успѣлъ опять вскочить на подножку позади проснувагося лакея. Онъ остался одинъ въ темнотѣ, казавшейся еще гуще подъ тѣнью высокихъ вязовъ аллеи, которая вела къ дому, и стоялъ нѣсколько минутъ неподвижно, погруженный въ раздумье.

Ночь была ясная, и даже довольно свѣтлая. Звѣзды сіяли ярко, но въ воздухѣ стоялъ рѣзкій безжалостный холодъ. Вѣтеръ дулъ порывами, но эти порывы заставляли путешественника содрогаться. Онъ нѣсколько времени слѣдилъ глазами за каретой, глядя, какъ мелькавшіе огоньки фонарей исчезали между деревьями.

— Точно моя судьба! подумалъ онъ съ горечью. — Кажется все соединилось, чтобы дать мнѣ живѣе почувствовать одиночество. Я чужой въ домѣ матери, мужъ ея гонитъ меня; я какъ воръ прокрадываюсь сюда, за каретами ея блистательныхъ гостей. Я хочу видѣть матушку, я долженъ видѣть ее. Будетъ трудно устроить это, но я добьюсь своего! Я не сомнѣваюсь въ ней—благослови ее Господь!—но боюсь, въ состояніи ли она будетъ исполнить то, чего я хочу.

Онъ шелъ вдоль вѣздной аллеи, ускоряя шаги и вглядываясь въ лежащій передъ нимъ длинный и темный путь. Въ головѣ у молодого человека роились гнѣвные и горькія мысли, въ его темныхъ, глубоко впалыхъ глазахъ сверкала зловѣщій блескъ, и руки, спрятанныя въ карманы, сжимались съ судорожнымъ нетерпѣніемъ. Онъ шелъ, ворча про себя и стараясь принять развязный и спокойный видъ человека, которому не въ чемъ упрекать себя (хотя ему некогда было обманывать кромѣ самого себя), но совѣсть казалась обличала его во лжи.

— Прекрасная мѣстность, большой домъ, полный денегъ, и всего, что можно достать за деньги,—и въ немъ нѣтъ мѣста родному сыну! Неужели ей нравится такая жизнь? Нѣтъ, нѣтъ, не думаю! Я знаю, она несчастлива, и въ этомъ виноватъ я и она.... При этой мысли лицо его какъ будто потемнѣло отъ гнѣва; онъ сжалъ кулакъ и погрозилъ

имъ кому-то, глядя на высокій домъ, ярко освѣщенный, длинный фасадъ котораго явственно обозначился передъ нимъ въ эту минуту.

— ...Да, она, она виновата, онъ женился на моей матери и обманулъ ее, онъ подавалъ ей надежды, которыхъ никогда и не думалъ осуществлять. Онъ говоритъ, что я такъ дурно веду себя, что меня нельзя принимать,—пустое! Онъ всегда ненавидѣлъ меня, даже прежде нежели увѣдалъ меня, прежде нежели узналъ, что я не кроткій голубокъ и не образецъ скромности и сыновней почтительности. Онъ ненавидитъ меня, за то что я существую, за то что я сынъ моей матери. Еслибы я былъ самый кроткій изъ пасынковъ, онъ бы не меньше ненавидѣлъ меня, только показывалъ бы мнѣ ненависть иначе, чѣмъ показываетъ теперь. Меня перевезли бы сюда, и вмѣсто того чтобъ заставлять меня, какъ теперь, голодать и просить милостыню, давали бы мнѣ на каждомъ шагѣ чувствовать зависимость и мое ничтожество. Право, я еще предпочитаю мою теперешнюю участь!

При этой мысли на губахъ у него мелькнула гордая улыбка. — Да, продолжалъ онъ, меня держатъ въ черномъ тѣлѣ, я почти нищій. Почти? Нѣтъ, я дѣйствительно нищій; я пришелъ просить милостыни у моей матери, пришелъ въ вашъ богатый домъ, Карутерсъ, какъ воръ или какъ шпионъ, я прокрался къ вамъ за рѣшетку, сидя за богатою каретою вашего богатаго пріятеля. Я блудный сынъ, но безъ надежды на радушный пріемъ, напротивъ—я почти увѣренъ, что меня выгонятъ, если увидятъ. Здѣсь вѣрно бываютъ каждый вечеръ гости; трудно мнѣ будетъ повидаться со старой Бруксъ, такъ чтобъ никто не замѣтилъ. Но, что за бѣда, если меня и увидятъ! Бродяги вѣдь всегда сбѣгаютъ туда, гдѣ слышатъ праздникъ! Вотъ наконецъ и домъ! Какой онъ большой!—стоитъ, какъ великанъ, и точно смѣется надо мной. Звѣзды сияютъ надъ нимъ, и самъ онъ сияетъ, какъ звѣздами, рядомъ своихъ освѣщенныхъ оконъ. Какъ должно быть тепло тамъ, гдѣ горятъ эти огни? А здѣсь!... Господи, какъ холодно!... Говоря это, онъ опять прижался къ высокимъ деревьямъ, чтобъ пропустить мимо себя карету; когда пріѣхавшіе въ ней гости ѣли подъ портикомъ, онъ осторожно подошелъ къ парадному подъѣзду.

Старинный домъ, построенный ви видѣ замка, былъ

окруженъ со всѣхъ сторонъ неглубокимъ ровомъ или канавой, которая нѣкогда была полна воды и служила для обороны, а теперь высохла и превратилась въ зеленую ложбинку, въ которую выходили подвальные окна. Надо ровомъ, по обѣимъ сторонамъ тяжелаго портика, шла широкая и красивая каменная терраса; лѣвая сторона ея была въ тѣни, а на правую лился яркій свѣтъ изъ оконъ огромной бальной залы. Осторожно пройдя мимо подъѣзда и стороясь отъ подъѣхавшей опять кареты, Джорджъ Далласъ, незнакомецъ, за которымъ мы слѣдили до сихъ поръ, прижался за темнымъ угломъ; когда карета уѣхала — что онъ узналъ по стуку захлопнувшейся двери и по скрипу колесъ по песку — онъ взлѣзъ на перила террасы и, всячески избѣгая попасть подъ лучи свѣта, подошелъ къ одному изъ оконъ и заглянулъ въ него. Сначала онъ дрожалъ такъ сильно, что не могъ сосредоточить вниманія на томъ, что происходило въ залѣ, но замѣтивъ растущее возлѣ перилъ деревцо, бережно закутанное въ рогожу, онъ подошелъ къ нему, снялъ эту рогожу, завернулся въ нее и, воротясь на свое мѣсто, принялся внимательно смотрѣть въ окно.

Зала, въ которую онъ смотрѣлъ, была отдѣлана въ древнемъ вкусѣ, съ филеичатыми стѣнами, лѣпною работою и штучнымъ потолкомъ; по стѣнамъ висѣли фамилльные портреты, смотрѣвшіе на всѣхъ мрачно и строго, отчего красивыя тепличныя растенія, которыми была украшена зала въ изобиліи, казались какъ-будто не на своемъ мѣстѣ. Прямо напротивъ оконъ была входная дверь, отворенная настежь; около нея толпились, какъ обыкновенно бываетъ на балѣ, молодые люди, не начинавшіе еще танцевать изъ лѣни или изъ робости. Около дверей стояла группа, въ особенности обратившая на себя вниманіе Джорджа Далласа.

Группа эта состояла изъ трехъ человѣкъ: двухъ мужчинъ и молодой дѣвушки, которая опиралась своей маленькой ручкой въ изящной бѣлой перчаткѣ на руку старшаго изъ мужчинъ. Въ ту минуту какъ Джорджъ Далласъ увидѣлъ ихъ, старшій представлялъ ей младшаго. Молодая дѣвушка была высока ростомъ, стройна, очень граціозна и изящна и необыкновенно хороша собой. Лица ея нельзя было разсмотрѣть хорошенько, потому что она стояла бокомъ къ окну, но гордая и благородная осанка, граціозное наклоненіе головы, изящный погибъ шеи, богатые волны зо-

лотистыхъ волосъ, облежавшія безъ всякихъ украшеній ея прелестную головку, красивыя складки ея легкаго бѣлаго платья—все обѣщало въ ней красавицу, и посмотрѣвъ на нее поближе, нельзя было не сознаться, что обѣщаніе это вполне оправдывалось. Джорджъ Далласъ видѣлъ, какъ она граціозно поклонилась тому, кого ей представляли, потомъ поговорила нѣсколько минутъ съ обоими джентльменами и наконецъ взяла руку предложенную ей младшимъ изъ нихъ—на него Джорджъ Далласъ не обратилъ никакого вниманія—и вмѣшалась съ нимъ въ толпу танцующихъ. Старшій остался на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ, и на него уставлялъ Джорджъ Далласъ пристальный взглядъ, полный гнѣва и ненависти.

— Такъ вотъ вы гдѣ! говорилъ онъ про себя,—достойный, уважаемый, жестокосердый, безукоризненный джентльменъ! Передо мной ваше цвѣтущее лицо, ваши сѣдые усы, ваши голубые глаза и бѣлые зубы, ваши тонкія губы и длинный подбородокъ, ваша маленькая лысина и ваши немногo отставшія отъ головы уши, ваша гордая осанка и ваши красивыя, вѣчно холодныя руки, и ваше милое, всегда холодное сердце, не знавшее отъ-роду ни безкорыстнаго чувства, ни другихъ страстей, кромѣ эгоизма! Вы образецъ богатаго, уважаемаго человѣка—и чудовище гордости и деспотизма. Вы женились на моей матери, когда она была такъ бѣдна, что всего ея имущества не достало бы на содержаніе ея сына; вы дали ей богатство, прекрасный домъ, имя — правда, не слишкомъ громкое,—блестящій кругъ знакомства,—словомъ все чего она могла, желать, все кромѣ того, чего она истинно желала и для чего она вышла за васъ! Это вѣрно ваша племянница и наслѣдница, богатая, гордая дѣвица; ей есть мѣсто въ вашемъ домѣ, куда не смѣетъ показаться сынъ вашей жены. Вѣроятно ваша наслѣдница даже не знаетъ, что я живу на свѣтѣ. Меня бы нисколько не удивило, еслибъ вы приказали матушкѣ хранить втайнѣ это непріятное обстоятельство. Это похоже на васъ!.. А племянница, сколько я могу судить, привлекательное созданіе!.. Но гдѣ же матушка?

Онъ придвинулся еще ближе къ окну, прислонился лицомъ къ самому стеклу и съ беспокойствомъ смотрѣлъ въ комнату.—Гдѣ же матушка? повторялъ онъ.—Господи! еслибъ она знала, что я дрожу подъ ея окномъ!

До него долетали звуки веселой бальной музыки, мимо оконъ быстро носились танцующія пары; онъ смотрѣлъ на красиво развѣвавшіяся платья дамъ, прислушивался къ веселому говору и смѣху гостей; время отъ времени отдѣльныя пары, отдыхая отъ танцевъ, садились недалеко отъ окна, у котораго онъ стоялъ, онъ всматривался въ оживленные удовольствіемъ лица и какъ-будто согрѣвался, глядя на чужое веселье. Забывая холодъ, свое бѣдственное положеніе и опасность быть открытымъ, онъ стоялъ какъ очарованный и смотрѣлъ съ увлеченіемъ молодости на веселившихся въ залѣ; въ его глазахъ это были невинныя забавы, безгрѣшныя удовольствія, какихъ онъ самъ никогда не знавалъ. Вдругъ онъ отскочилъ въ сторону и крѣпко схватился за рогожу, въ которую былъ завернутъ: мимо окна прошла стройная женщина въ пунцовомъ бархатномъ платьѣ и всѣ въ брилліантахъ. Онъ узналъ ее, и сердце у него сильно забилося: это была его мать! Она быстро подошла къ м-ру Карутерсу, который въ это время разговаривалъ съ другимъ джентльменомъ, протянула руку въ богатомъ браслетѣ и дотронулась до его плеча вѣеромъ. Онъ обернулся, и взгляды его упалъ прямо на окно. Джорджъ Далласъ сбросилъ съ себя рогожу и отошелъ отъ окна, съ проклятіемъ на языкѣ и въ сердцѣ.

— Проклятіе вамъ! говорилъ онъ;—вы одѣваете ее въ бархатъ, осыпаете брилліантами, тщеславитесь ею передъ вашими гостями—и осуждаете ее на такія страданія, какія только въ состояніи переносить кроткія, твердыя женщины, ей подобныя. Но этого не будетъ, Карутерсъ; хоть она и жена ваша, она все-таки моя мать, и вы не заставите ее перемѣниться. Вы тиранъ, а она ваша раба, но прежде чѣмъ пройдетъ ночь, часть вашихъ денегъ будетъ у меня, Я человекъ пропащій, вы не сдѣлаете меня несчастнѣе, чѣмъ я теперь, но я могу васъ пристыдить и пристыжу!

Говоря это, онъ остановился у угла террасы, перелѣзъ черезъ перила, осторожно соскочилъ на траву и началъ ощупывать руками зеленую стѣну, составлявшую переднюю часть ложбины. Поглядѣвъ себѣ подъ ноги, онъ убѣдился, что глубина была не болѣе какъ на десять футовъ, и рѣшился соскочить. Прыжокъ былъ удаченъ; онъ упалъ прямо на ноги и нисколько не ушибся на мягкомъ пескѣ. Все это происходило недалеко отъ одного

изъ угловъ дома; онъ обогнулъ уголъ, подошелъ къ окну и заглянулъ въ комнату. Эта комната была большая, но низкая; стоявшіе въ ней тяжелые прессы, столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, кресла по обѣимъ сторонамъ камина и общій видъ опрятности и скромной уютности заставляли съ перваго взгляда догадываться, кто тутъ живетъ: очевидно это была комната домоправительницы.

Посерединѣ стола стояла лампа стараго фасона, вѣроятно изгнанная изъ парадныхъ комнатъ послѣ того, какъ вошли въ моду новыя лампы съ колпаками; послѣ лампы была раскрытая Библія, а на ней лежали очки. Тутъ же были разставлены въ порядкѣ корзинка со связками хозяйственныхъ рецептовъ, большой рабочій ящикъ и червильница самаго почтеннаго размѣра. Недалеко отъ стола стояла конторка, окованная мѣдью. Въ комнатѣ никого не было, и стоявшій за окномъ имѣлъ время осмотрѣться подробно.

— Я счастливо попалъ, сказалъ онъ, это комната няни Эллень. Надъ каминомъ висятъ старые портреты, которыми она всегда такъ дорожила, въ полномъ убѣжденіи, что это рѣдкія произведенія искусства и что они въ самомъ дѣлѣ похожи на батюшку и на матушку. Вотъ и Библія, въ которой записанъ день моего рожденія и моихъ крестинъ. И очки на ней кажется тѣ самыя, которыя я сломалъ ребенкомъ, когда надѣвалъ ихъ, представляя Бабушку въ красной шапочкѣ. Хорошо еслибъ няня пришла сюда; но нужно, чтобъ она пришла одна. А что, если она придетъ съ кѣмъ-нибудь и запретъ ставни? Какъ пріятно было бы погрѣться у огня! Мнѣ очень хочется разбить окошко и войти. Никто не услышитъ: музыка играетъ такъ громко, а на этой сторонѣ дома нѣтъ кажется ни души.

На террасѣ надъ его головой не было слышно шаговъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ; его не продувало такъ сильно, какъ у окна бальной залы, но онъ все-таки дрожалъ отъ холода. Мысль разбить окно соблазняла его все сильнѣе и сильнѣе. Онъ началъ придумывать, какъ бы ему сдѣлать это, не порѣзавъ руки. Старыя, рваныя перчатки были плохой защитой; онъ задумалъ снять куртку и обернуть имъ руку. Онъ уже началъ отстегивать верхнюю пуговицу, какъ вдругъ въ домѣ надъ его головою послышался шумъ. Стеклянная дверь, выходившая на легкій балконъ, пристроенный къ старому дому въ видѣ украшенія

въ новѣйшемъ вкусѣ, отворилась, на балконѣ раздались шаги и голоса.

— Если вы схватите насморкъ или что-нибудь похуже, вините себя, миссъ Карутерсъ. Вы непременно захотѣли выйти на балконъ; а ночь, ей-Богу, прехолодная.

— О! не бойтесь за меня, капитанъ Мершъ, отвѣчалъ со смѣхомъ пріятный женскій голосъ.—Вы знаете, я воспитана въ деревнѣ и привыкла ко всякой погодѣ, за меня нечего бояться. А здѣсь въ самомъ дѣлѣ холодно; зато въ залѣ невыносимо жарко!

— Вѣрно причиной этому краснолицая дама въ тюрбанѣ съ райской птичкой; у ней должно-быть вмѣсто головы раскаленная печка, и отъ нея нагрѣвается вся комната. Зато дочка у нея блѣдная, тонкая, худая, какъ мертвецъ. Вы не знаете, кто онѣ такіа?

— Разумѣется знаю: это тетенька моя, леди Больдеро, и двоюродная сестра моя, Бланка.

— Неужели? Ну, извините, я не зналъ, что онѣ ваши родственницы, я бы не отозвался о нихъ такъ непочтительно. Стало-быть это я васъ встрѣтилъ въ прошедшую пятницу въ паркѣ сэра Томаса Больдеро—помните, миссъ Карутерсъ, вы еще ѣхали верхомъ?

— Помню, я тогда торопилась домой, боялась опоздать къ обѣду.

— Да, вы ѣхали очень скоро; грумъ вашъ отсталъ такъ далеко, что его даже не было видно.

— Мой грумъ? Это для меня роскошь, безъ которой я обхожусь всякій разъ, когда могу уѣхать такъ, чтобъ дядюшка не узналъ. Непріятно, когда за вами ѣдутъ шагъ за шагомъ.

— Не говорите этого, миссъ Карутерсъ, право лучше не говорите. Вы не знаете, какъ пріятно ѣхать слѣдомъ за вами.

— Вы очень любезны, капитанъ. Я невольно доставила вамъ случай сказать комплиментъ, и вы этимъ воспользовались очень мило; но пойдемте въ комнаты, я немножко озябла.

Разговаривавшіе ушли, а къ ногамъ Джорджа Далласа упало что-то, чего онъ никакъ не могъ разсмотрѣть, потому что въ углу, гдѣ онъ стоялъ, было темно, какъ въ могилѣ. Когда балконная дверь захлопнулась, онъ, не боясь быть замѣченнымъ, наклонился и поднялъ упавшую вещь: то бы-

ла миртовая вѣтка. Онъ посмотрѣлъ на нее небрежно и спряталъ ее въ карманъ жилета.

— Какой у нея пріятный голосъ, подумалъ онъ. Она должна быть прехорошенькая, я увѣренъ въ этомъ, судя по голосу и волосамъ. У меня теперь есть кое-что на память отъ нея, хотя она этого не подозреваетъ и вѣроятно никогда не узнаетъ. Она, какъ видно, молодецъ, хоть и смотритъ нѣжной блондиночкой. И умница къ тому же! Капитану не подъ силу разговаривать съ ней.

Между тѣмъ дверь комнаты, въ которую онъ смотрѣлъ, медленно отворилась, и вошла пожилая женщина въ черномъ шелковомъ платьѣ. Она хотѣла-было уже сѣсть къ столу, когда Джорджъ Далласъ тихо стукнулъ въ окно. Женщина вздрогнула и бросила быстрый, испуганный взглядъ въ ту сторону, откуда ей послышался стукъ. Долласъ прислонился лицомъ къ стеклу и махнулъ рукой; она увидѣла его, и вся черты ея приняли выраженіе безграничнаго удивленія. Схвативъ свѣчу, она бросилась къ окну и спросила тихимъ, но твердымъ голосомъ:

— Кто ты такой? Говори, не то я закричу!

— Это я, няня Элленъ. Я...

— Боже праведный! мистеръ Джорджъ!

— Я, я... отвори окно ипусти меня. Мнѣ нужно поговорить съ тобой, и я продрогъ до смерти. Впусти меня скорѣй. Вотъ такъ.

Говоря это, онъ выпрыгнулъ на окно, которое между тѣмъ няня Элленъ успѣла отворить, и, не обращая на нее вниманія, бросился на колѣни предъ каминомъ и жадно смотрѣлъ на огонь, протягивая къ нему руки какъ-будто для того, чтобъ обнять пламя. Старуха заперла окно, потомъ тихо подошла къ Далласу, съ нѣжностію оперлась на его плечо и, заглядывая ему въ глаза, сказала:— Господи, какъ вы перемѣнились, голубчикъ мой! Я бы васъ и не узнала, еслибъ не глаза: они все тѣ же, но во всемъ прочемъ какъ вы перемѣнились!

И точно, перемѣнился. Когда старая Элленъ въ послѣдній разъ видѣла Джорджа Далласа, онъ былъ рослымъ, сильнымъ, здоровымъ молодымъ человекомъ лѣтъ осьмнадцати, съ темными кудрями, яркимъ румянцемъ; теперь онъ стоялъ передъ нею, страшный, худой, совпалыми щеками, съ глубокими впадинами подъ большими карими глазами, съ

тою мертвенною блѣдностью, которую разливаетъ на лица молодыхъ людей столичная беспорядочная жизнь. Онъ обхватилъ старуху своими длинными исхудалыми, костлявыми руками. Она также обняла его крѣпко и громко зарыдала.

— Полно, няня, полно. Я слабъ и измученъ; я не вынесу этого. Не принесешь ли ты мнѣ лучше чего-нибудь напиться? Да послушай: мнѣ нужно сегодня видѣть матушку. Я нарочно для этого пріѣхалъ изъ города.

— Она не знала, что вы пріѣдете? спросила м-съ Бруксъ, не сводя печальнаго взгляда съ молодого человѣка, все еще стоявшаго на козлѣняхъ передъ каминомъ.— Вѣрно не знала; она бы мнѣ сказала.

— Разумѣется не знала, отвѣчалъ Далласъ. Еслибъ я попросилъ у ней позволенія пріѣхать, она бы не смѣла мнѣ позволить. Здорова ли она, няня? Какъ она поживаетъ? Она пишетъ ко мнѣ такъ рѣдко и въ письмахъ не говоритъ почти ничего о себѣ... Съ этими словами онъ всталъ съ козлѣнъ, притащилъ къ огню тяжелый стулъ, обитый черной волосаной матеріей, и усѣлся на него, скорчившись, какъ будто бы ему все еще было холодно, и уставивъ ноги на край широкаго стариннаго камина.—Я пріѣхалъ сюда на удачу. Послѣ я все расскажу тебѣ, няня, а теперь поди скажи матушкѣ, что я здѣсь.

— Да какъ же я ей скажу, м-ръ Джорджъ? спросила старуха съ тоскливымъ недоумѣніемъ.—Она въ бальной залѣ, около нея цѣлая толпа гостей. Не могу же я войти въ залу, а еслибъ и вошла, барыня испугалась бы, поблѣднѣла, и баринъ тотчасъ смекнулъ бы, въ чемъ дѣло. Онъ вѣдь почти никогда не теряетъ ея изъ виду.

— Ага! сказалъ Джорджъ мрачно,—значить она у него подъ надзоромъ!

— Не то чтобы именно подъ надзоромъ, отвѣчала м-съ Бруксъ;—онъ не дѣлаетъ ей никакихъ непріятностей. Надо отдать справедливость м-ру Карутерсу, хоть его и не долюбываю. Онъ хорошій мужъ; онъ любитъ ее, гордится ею. Ему пріятно, когда всѣ любятъ ее.

Молодой человѣкъ прервалъ ея рѣчь съ эгоистическою опрометчивостью.

— Жаль, жаль, что я помѣшаю ему любоваться на нее сегодня, но дѣлать нечего, что такъ устроилось; мнѣ нужно ее видѣть. Завтра утромъ мнѣ необходимо ѣхать опять въ